

От этих мыслей Чи Юньяна слегка подтошнило. Он посмотрел на И Яньле со всей искренностью и признательностью — те две простые булочки действительно спасли ему жизнь.

И Яньле лишь сдержанно улыбнулся в ответ, всем своим видом показывая, что не считает свой поступок чем-то выдающимся.

Чи Юньян попытался расспросить девочку, но Сяо Чу была слишком мала, и её ответы выходили путанными, невпопад.

— Братик, ты можешь пообещать мне кое-что? — Сяо Чу, видать, наелась и теперь засыпала на ходу, сонная тёрла глаза кулачками.

Чжуан Сяои настороженно уставился на малышку и выпалил:

— Ты же только что уверяла, что не причинишь Юньяну вреда! Зачем тогда о чём-то просишь?

И Яньле тоже занервничал — побоялся, что Чи Юньян поддастся чужому влиянию, и инстинктивно заслонил его собой.

Они не заметили, как у Чи Юньяна от удивления округлились глаза.

Его попросила черноглазая — но он не почувствовал ни малейшего давления на свой разум. Сяо Чу говорила как самый обычный ребёнок. Он мог согласиться, мог отказать — никакого принуждения извне не было и в помине.

— Сяо Чу... ты что, умеешь управлять своей силой? — Чи Юньяна захлестнул восторг. — Ты ведь даже не пыталась подчинить мою волю!

Девочка растерянno кивнула:

— Я не знаю. Просто очень-очень не хотела, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— Вот это открытие! — глаза Чжуан Сяои радостно блеснули. — Если все черноглазые дети способны подавлять свою силу, как Сяо Чу, то со временем они, может, и вовсе исцелятся!

И Яньле, будучи прагматиком, поспешил остудить его пыл:

— Это всего лишь пустые домыслы. К тому же... — он перевёл холодный взгляд на Сяо Чу, — Ян-ян ей ещё ничего не обещал. Кто знает, что стряслось бы, сорвись у него с губ согласие.

Чи Юньян мысленно согласился с ним. Минутный порыв радости угас, уступив место трезвому

расчёту. В конце концов, отсутствие контроля могло быть лишь его субъективным ощущением, которое ничего не доказывало.

Напряжение в комнате росло. Внезапно снаружи раздался яростный, нетерпеливый стук. Прежде чем кто-либо успел шевельнуться, дверь с треском распахнулась от сильного удара.

Чи Юньян опешил. На пороге стояла старуха. Опираясь на клюку, она тяжело дышала от ярости. При виде Сяо Чу её лицо перекосило от гнева так, что глубокие морщины заходили ходуном.

Старуха подскочила к внучке и мёртвой хваткой вцепилась ей в плечо, силой разворачивая к себе.

Девочка испуганно заёрзала, пытаясь высвободить руку:

— Бабушка,пусти! Мне больно!

Старуха пропустила её плач мимо ушей. С безумной тревогой она вгляделась в зрачки девочки и замерла — по краю угольно-чёрной радужки едва заметно проступал белый ободок.

Старуха бессильно разжала пальцы. Дико озираясь, она потрясённо забормотала:

— Как же так... Этого не может быть. Это просто невозможно...

— Что с ней? — шёпотом спросил Чжуан Сяои, прячась за спину Чи Юньяна.

Тот лишь нахмурился, его взгляд был устремлён на дверной проём. Как оказалось, старуха пришла не одна. Проследив за его взглядом, Чжуан Сяои в ужасе зажал рот ладонью.

В тесной прихожей, плечом к плечу, стояли полтора десятка черноглазых детей. На их бледных лицах не отражалось ни единой эмоции. Из бездонной черноты их глазниц струилось зловещее багровое свечение.

Из-за спин мертвецов медленно вышел Сяо Юэ. Он уставился на Чи Юньяна и глухо спросил:

— Зачем?

Чи Юньян растерялся, не понимая сути обвинения. Он уже открыл было рот, чтобы ответить, как перед ним мелькнула маленькая фигурка.

Сяо Чу заслонила его собой, широко раскинув ручонки.

— Братики не виноваты! Я сама к ним пришла! И еду их съела тоже сама, меня никто не заставлял! — её детский голосок дрожал, но в нём звенела непреклонная решимость.

Старуха опомнилась. С диким оскалом она снова рванулась к внучке:

— Чу-чу, пошли со мной! А эти твари должны сдохнуть!

Внутри Чи Юньяна закипела глухая злость. Он шагнул вперёд и перехватил сухую руку бабки. Но та оказалась неестественно, пугающе сильной. Швырнув клюку на пол, она со звериной яростью впилась когтями в его ладонь.

Она глубоко распоролла кожу Чи Юньяна острыми грязными ногтями. Из рваных ран хлынула тёмная кровь.

В завязавшейся потасовке Чжуан Сяои не растерялся. Подобрал оброненную трость, он размахнулся и со всей силы опустил её на спину старухи.

От неожиданного удара та пошатнулась, её хватка ослабла, и Чи Юньян сумел вырваться, тяжело дыша и отступая назад.

Но передышка длилась недолго. Старуха замерла лишь на мгновение. А затем её шея с противным хрустом повернулась на сто восемьдесят градусов. Она уставилась на Чжуан Сяои безумным, немигающим взглядом.

— Мама дорогая! — взвизгнул парень и тут же отшвырнул палку подальше.

И Яньле помрачнел.

— Бежим! Уходим из деревни, живо! — скомандовал он.

Чи Юньян среагировал мгновенно. Ударом ноги он оттолкнул жуткую старуху, подхватил Сяо Чу на руки и бросился к выходу.

Несколько черноглазых выроdkов попытались преградить им путь, но И Яньле действовал чётко и безжалостно: он хватал детей за шкуру и одного за другим швырял в стороны, расчищая дорогу.

Вывавшись из проклятого дома, они без оглядки припустили во тьму, спасаясь от погони.

— Нам же нельзя выходить из деревни! — задыхаясь на бегу, прохрипел Чжуан Сяои.

И Яньле и Чи Юньян мчались вровень. Последний, едва переводя дыхание, отозвался:

— Уже пять часов! Снаружи давно стемнело!

Юньян покрепче прижал к себе Сяо Чу, лихорадочно соображая:

— Мы бежим по прямой, к выходу. Но почему местность вокруг вообще не меняется?

Он резко затормозил. Остальные тоже остановились. Они бежали уже добрых минут пятнадцать, однако дорога оставалась абсолютно прежней.

Чжуан Сяои опустил взгляд и похолодел: прямо перед ним из земли торчал знакомый острый валун, о который он едва не расшибся пять минут назад.

Сяо Чу, притаившаяся на груди Чи Юньяна, тихо прошептала, и в её голоске сквозила обречённость:

— Братик... вы не сможете уйти из деревни, пока я с вами.

И Яньле резко развернулся к ней:

— Почему?

Чжуан Сяои всё ещё цеплялся за призрачную надежду:

— Но ведь черноглазые могут выходить! Мы же встретили Сяо Юэ за пределами деревни!

Девочка печально покачала головой:

— Я не такая, как братец Сяо Юэ. Бабушка никогда меня непустит.

— То есть, если мы оставим тебя, то спасёмся?! — выкрикнул в отчаянии Чжуан Сяои.

Не дожидаясь ответа, он стиснул зубы и вновь рванул во мрак. Спустя пять минут он выбежал к ним... но с противоположной стороны. Он осунулся и побледнел от подступающего ужаса.

— Нас водит кругами, — Чи Юньян до крови прикусил губу. — Должен же быть какой-то выход!

— Туман поднимается, — глухо произнёс И Яньле, вглядываясь в наплывающую со всех сторон

белёсую хмарь.

Сырая мгла быстро заволакивала ночной лес. Не прошло и пяти минут, как видимость упала практически до нуля — дальше вытянутой руки ничего нельзя было разобрать.

Чжуан Сяои затрясло от пронизывающего холода.

— Надо двигаться! Стоять на месте — верная смерть!

— Бежим! — скомандовал Чи Юньян.

Сжав зубы, они мчались сквозь плотную пелену. Туман становился всё гуще, принося с собой душливый, липкий запах свежей крови.

Вдруг Чи Юньян обо что-то споткнулся. Он глянул вниз и едва сдержал крик: у его ног валялась оторванная человеческая рука, с которой ещё сочилась багровая жижа.

Бежавшие впереди И Яньле и Чжуан Сяои тоже начали спотыкаться. Дорога превратилась в полосу препятствий, усеянную неведомым хламом.

Им пришлось остановиться. Задыхаясь от тошнотворного смрада, Чжуан Сяои зажал нос и присел, чтобы рассмотреть круглый предмет, преградивший ему путь.

Секунду спустя лесную чащу огласил истошный вопль.

— Что там?! — крикнул Чи Юньян, бросаясь к другу.

И Яньле посветил под ноги Чжуан Сяои.

В траве лежала отрубленная человеческая голова. Глаза покойного были широко распахнуты, из ушей, носа и рта текла тёмная жижа. Это был Ян Шу, бесследно исчезнувший накануне.

Казалось, голова всё ещё жила своей жуткой жизнью — остекленевшие зрачки мертвеца были намертво прикованы к лицу И Яньле.

— Твою мать! Что это на ветках?! — закричал Чжуан Сяои. Отпрянув от жуткой находки, он наткнулся спиной на ствол дерева. На его лицо упало несколько тяжёлых, тёплых капель. Он вытер щёку и с ужасом обнаружил на ладони липкую кровь.

Вскинув голову, он оцепенел: на ветвях деревьев покачивались десятки человеческих силуэтов.

И Яньле достал фонарик и направил луч вверх. Свет выхватил из темноты кошмарную картину. Он помрачнел.

Чи Юньян судорожно отвернулся, успев прикрыть ладонью глаза Сяо Чу. На ветвях этого исполинского дерева висели гроздьи мертвецов. Одни тела уже превратились в иссохшие скелеты, другие — полуразложившиеся, сочащиеся гнилью — кишели жирными бледными червями.

Исполинские корни чудовищного дерева, чёрные и бугристые, уходили глубоко в пропитавшуюся кровью землю. С веток непрерывно капало, орошая багряным дождём хлипкую почву под ногами. Налетевший порыв ледяного ветра заставил повешенные тела глухо тереться друг о друга, и этот звук походил на тихий, жалобный плач.

Чжуан Сяои не выдержал. Он упал на колени, и его вывернуло наизнанку.

Сяо Чу осторожно отвела ладонь Чи Юньяна от своего лица. Она заворожённо уставилась на усыпанную трупами крону:

— Так вот куда бабушка прятала их все эти годы...

— Раз уж вы всё узнали, живыми вам отсюда не выбраться, — раздался скрипучий голос старухи откуда-то сверху, прямо из густи мёртвых тел.

Чи Юньян лихорадочно завертел головой, пытаясь разглядеть противника в ветвях, но безуспешно.

— Где ты?! Покажись! — крикнул он, чувствуя, как внутри всё леденеет.

— Чёрт, бежим! Подальше от этого проклятого дерева! — заорал Чи Юньян, понимая, что медлить нельзя ни секунды.

Они бросились наутёк, но ветви-щупальца, словно живые твари, с оглушительным треском устремились им вслед. Острые, как пики, деревянные отростки вспарывали воздух. Одно такое попадание — и человека просто насадило бы на кол.

Лёгкие Чи Юньяна горели огнём, но он продолжал мчаться вперёд, не смея сбавлять темп.

Туман впереди начал рассеиваться. Чжуан Сяои, бежавший первым, выскочил из хмари и радостно завопил:

— Вон они! Ворота деревни! Мы почти выбрались!

У Чи Юньяна словно открылось второе дыхание, он прибавил ходу.

Но стоило Чжуан Сяои протянуть руку к заветной калитке, как его ладонь наткнулась на невидимую, упругую стену.

— Хи-хи-хи... Нам в деревне как раз не хватает свежей крови для полива грядок. И не думайте, что уйдёте, — проскрежетал тонкий старушечий голос.

В мгновение ока мир снова заволокло удушливой хмарью. Прямо перед ними, преграждая путь, опять выросла кошмарная могильная крона.

Чи Юньян лихорадочно соображал. Сбежать не выйдет. Раз это экзамен, у него должно быть решение. Не может же система просто устроить бессмысленную бойню!

Вдруг Сяо Чу в его руках забилась, словно пойманная птица. Она вцепилась пальчиками в его куртку и изо всех сил рванулась прочь.

Юньян не удержал её. Девочка полетела вниз, но не успела коснуться земли — длинная узловатая ветвь бережно подхватила её.

Ветви намертво спеленали девочку. Осознав тщетность борьбы, она затихла и посмотрела на Чи Юньяна. В её больших глазах застыла невыразимая скорбь.

— Прощай, братик.

Стоило ей договорить, как исполинское дерево заходилось в яростном припадке. Ветви бешено зашелестели, а мощные корни зашевелились под землёй, заставляя почву уходить из-под ног.

Чи Юньян почувствовал, как ему в спину вонзились десятки пристальных взглядов.

Он медленно обернулся.

Позади стояли черноглазые сироты. На их мертвенно-бледных лицах застыла немая мольба, а из пустых глазниц медленно катились струйки багровой крови.

Словно один человек, они выдохнули Чи Юньяну прямо в лицо:

— Зачем?..